
ИРАН: ИНТЕГРАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ

В.И. Юртаев

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В статье рассмотрены концептуальные основания иранской внешнеполитической стратегии, дан анализ геополитической составляющей международных отношений вокруг Ирана, показан потенциал его участия в процессе интеграции на пространстве Центральной Евразии.

Исламская Республика Иран (ИРИ) в феврале 2009 г. отмечает 30-летие победы исламской антишахской революции, с дальнейшим развитием которой тесно связаны сегодня вопросы мира и безопасности всей планеты. Возникшее исламское измерение мировой политики получило название «исламский фактор». Изучение внешнеполитической стратегии современного Ирана показывает ее многофакторность и нацеленность на лидерство в интеграционных процессах, развивающихся на пространстве Центральной Евразии. Одновременно Тегеран стремится стать равноправным партнером в глобальной организации «нового типа» (Е. Примаков) — Шанхайской организации сотрудничества (Shanghai Cooperation Organization, ШОС). В рамках этой организации, объединяющей вместе с наблюдателями большую часть населения планеты и 3/5 территории Евразии, Иран видит востребованность своих инициатив по развитию международного диалога, обогащению его идеями понимания и справедливости, обеспечению стабильности и безопасности. По замыслу идеологов ИРИ, включение в ШОС ведущих исламских стран (Ирана, а также — Пакистана, Саудовской Аравии, Ирака и др.) позволит соединить усилия пяти незападных цивилизаций — русской, китайской, исламской, индуистской и буддийской в поисках нового мира на основах «справедливой глобализации». При этом Иран резко отличает себя как от Запада (США, ЕС), так и от Востока (Россия, Индия, Китай), предлагая всему миру исламскую идентичность, основанием которой выступает ирано-исламская (шиитская) цивилизация.

В хрониках 1386 г.х. (21 марта 2007/2008 гг.) зафиксированы беспрецедентные договоренности, достигнутые Ираном со странами Азии и Европы по реализации масштабных региональных проектов по всем векторам развития. Приезд президента ИРИ М. Ахмадинежада в начале марта 2008 года в Багдад стал во многом итоговым, подводющим определенную черту во внешнеполитических усилиях Тегерана. И это не случайно, ведь именно Ирак в последние годы стал точкой соприкосновения в американо-иранских отношениях, чуть было не перешедших в стадию военного противостояния. Оценивая усилия Тегерана, наблюдатели сделали предположение о складывающемся стратегическом альянсе на Ближнем Востоке по оси Багдад-Тегеран-Сирия. Это означает неизбежность внесения серьез-

ных корректив в геополитический расклад сил на Ближнем Востоке и придает новый импульс региональной интеграции вокруг Ирана.

Действительно, борьба за Ирак рассматривается в Тегеране как один из ключевых элементов в стратегическом процессе противостояния Ирана и США. Иранская сторона определила свое видение приоритетов развития ирано-иракских отношений в 2004 году, предложив реализовать «проект века» по соединению железнодорожных сетей Ирака и Ирана. По иранским оценкам, это позволило бы ежегодно почти миллиону иранских паломников посещать святыни в Ираке, а 0,4—0,5 млн иракцев — совершить путешествие в Иран [6]. Очевидна и стратегическая нацеленность данного масштабного проекта. Если Иран и Ирак соединят свои железные дороги — реализуется проект той самой глобальной евразийской железной дороги, которая начала строиться еще в начале XX века. Предполагаемое участие в совместных геоэкономических проектах таких государств как Индия, Китай, Сирия, Россия, Германия предопределяет их высокую геополитическую значимость.

В контексте дестабилизации в Ираке открылась новая глава во взаимоотношениях Ирана с Турцией. Угроза провозглашения государства Курдистан в условиях фактического распада Ирака вызвала стремление Анкары найти общий язык с Тегераном. Временный союз двух традиционных соперников за влияние в Центральной Евразии может стать существенным фактором формирующейся системы безопасности и баланса сил в регионе (Турция — Ирак — Иран — Афганистан — Центральная Азия — Кавказ).

На южном фланге Иран стремится к более тесному взаимодействию с Индией, в том числе учитывая ее особые отношения с США. Одним из оснований геополитической стратегии Индии в Центральной Евразии является противодействие силам политического ислама и международного терроризма с целью сохранения действующей системы региональных международных отношений в регионе на принципах неконфессиональности. Фактически в Центральной Евразии медленно, но верно материализуется фактор «тройственного согласия» Индии, Ирана и России, которой, в силу объективных обстоятельств, способен сдерживать геоэкономическую и геополитическую экспансию Китая в регионе. Намечающийся союз между Ираном и Индией опирается на геоэкономические проектные основания (газопровод, МТК «Север-Юг») и может быть развернут в любом направлении. Иран готов к широкому сотрудничеству с государствами региона, и не только по прагматическим соображениям (прорыв «блокады» США). Значительную роль в сближении секулярных элит Центральной Евразии с Ираном играет последовательное стремление последнего стать одним из региональных центров торговли энергоресурсами (нефтью и газом) и транспортно-энергетической интеграции.

Одним из главных стратегических партнеров Ирана является Китай. И здесь уместен вопрос: не является ли атака Вашингтоном на Тегеран сигналом к началу решающего противоборства с Пекином, не говоря уже о том, что Америка ничего не может поделать с растущим международным авторитетом КНР и провисшим долларovým навесом. Может быть подготовка американского нападения на Иран — это следствие опасения того, что через некоторое время у КНР появится серьез-

ное стратегическое оружие, которым пока Пекин не располагает? Тогда нападение на Иран предстает «превентивной мерой», направленной на предупреждение появления в мире второй сверхдержавы.

Исламская Республика Иран (ИРИ) претендует на роль нового лидера мира, выступая под знаменем «самой совершенной религии — ислама» (М. Ахмадинежад). При этом запасы энергетических ресурсов и географическое положение являются источником силы и уязвимости Ирана одновременно. Территория Ирана разрывает геополитическое пространство Евразии на юге, что определяет его стратегическую значимость, но именно поэтому задача установления контроля над ним включена в стратегические сценарии современной западной геополитики. Замкнутые на Иран ключевые для евразийской экономики геоэкономические проекты (транзит, энергетика) пока не реализованы и делают его центральной мишенью геоэкономических войн. Чтобы выдержать конкурентную гонку процесса глобализации, президент М. Ахмадинежад готовит Иран к роли «региональной сверхдержавы», для чего нужны ядерные технологии. Атомная программа Ирана стала квинтэссенцией стратегии развития ИРИ, нацеленной на построение глобального общества социальной справедливости на основе «великих традиций исламской цивилизации». Руководству страны удалось найти актуальную экономическую и политическую оболочку для практического воплощения одного из «принципов веры» («усул ад-дин») в исламе — принципа единобожия («ат-таухид»). Концепция «исламской экономики» была сформулирована первым президентом ИРИ А. Банисадром. Центральной в этой концепции является идея целостности, когда дух и буква высшего единства и гармонии воплощаются в созидательном строительстве мира силами мусульманской Уммы (общины).

Иран располагает как развитой экономикой, так и самой сильной армией в регионе Центральной Евразии. По оценкам экспертов, он сохранит за собой вторую позицию в системе ОПЕК как минимум до 2015 года с 7% производства и экспорта нефти на мировых энергетических рынках. Страна обладает значительным людским потенциалом (72 млн человек населения), срединным пространством на пересечении стратегически важных транспортных коммуникаций («новый Шелковый Путь»), великим цивилизационным наследием. Стратегический ориентир Ирана — занять первое место к 2025 году в экономике, науке и технологиях в регионе в целом, стать «исламской Японией». Внешнеполитические амбиции Ирана вписываются в современную трактовку регионального лидерства. Такой лидер должен быть вовлечен на паритетной основе в реализуемые мировым сообществом проекты глобального масштаба и разделение труда. В этом контексте становится понятной заинтересованность Ирана участвовать в международных проектах, имеющих геоэкономическое содержание, таких как: Международный транспортный коридор «Север-Юг», строительство газопровода в Индию и Китай (идея создания «газового ОПЕК»), планы в области энергетики, космоса и авиастроения.

Тегеран активно формирует свое «большое пространство» геополитическими мерами, в том числе путем поддержки радикальных сил в Ливане, Палестине и Сирии. Территория Ирана (Персия) с древности служила «мостом» между цивили-

лизациями Запада и Востока. Персидские владыки контролировали маршруты Великого шелкового пути от Каспийского до Красного моря, включая Йемен и Египет. В периоды своего наивысшего могущества Персидская империя олицетворяла весь «Восток», соперничая с цивилизациями тогдашнего «Запада» (Греция, Рим, Византия). Пространство «Большого Ирана» периода расцвета династии Ахеменидов (VI—IV вв. до н. э.) включало регионы Центральной Азии и Кавказа, Среднего и Ближнего Востока. Территория современного Ирана образует ядро этого пространства.

Ислам в политике не обязательно означает глобальный терроризм или войну. Как отметил директор Французского института международных отношений Тьерри де Монбриаль (IFRI, Montbrial, Thierry de), «в этой области, как и во многих других, стоит опасаться эффекта «самореализующегося пророчества». По его мнению, «в обозримом будущем основные тенденции будут связаны, очевидно, с позицией Соединенных Штатов и «исламским влиянием», построением единой Европы, возвращением России на мировую арену и перегруппировкой Азии вокруг Китая. Конкуренция не исчезла с наступлением глобализации, а, возможно, даже усилилась» [7].

На этом фоне быстро развивающийся Иран закономерно вернул себе статус ключевого игрока на «большом пространстве» от Пакистана до Египта. В хроники 2000-х годов вошли: атомная тема, Каспий, вопросы мира и безопасности на Кавказе и в Центральной Азии, в Афганистане, в Ираке и на Ближнем Востоке.

Недолгая пауза весны-осени 2008 года в эскалации напряженности вокруг Ирана закончилась. К октябрю 2008 года стало понятно, что Иран не получит статус полноправного участника Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), а значит, не сможет воспользоваться «ядерным зонтиком» ее лидеров — Китая и России, а также Индии и Пакистана, планировавших войти в 2008 году в число стран — членов этой влиятельной организации. И в связи с иранской атомной программой вновь стали говорить о «красной черте». Утверждается (со ссылкой на израильские источники), что Иран сможет произвести атомную бомбу очень скоро — к 2010 году [8. С. 75]. При этом мировое экспертное сообщество почти забыло выводы ведущих американских специалистов, опубликованные в декабре 2007 года в докладе National Intelligence Estimate (NIE) по вооружениям, о том, что Тегеран прекратил работы по производству атомной бомбы еще в 2003 году.

Войну против Ирана придется вести Соединенным Штатам, где демократы и республиканцы согласны относительно необходимости проведения военной операции, если иранская военная атомная программа окажется в шаге от завершения. Однако начало войны будет отложено до появления «очевидных свидетельств» и проведения хотя бы одного раунда переговоров в случае вероятной победы Обамы, который заявил о своей готовности к «агрессивной личной дипломатии» в отношении, как он говорит, «угрозы всем нам» — Исламской Республики Иран (ИРИ). Возможно, однако, это не устраивает команду «хромой утки», и в случае поражения Маккейна будет реализован сценарий «последнего выстрела», когда военная операция против Тегерана начнется накануне инаугурации нового президента Америки.

И именно в этот момент произошла утечка информации о том, что США уже в ноябре 2008 года предложат возобновить прямые дипломатические отношения с Ираном [4]. Тут все понятно: при отсутствии у американцев серьезных точек опоры внутри Ирана только действующее посольство США в Тегеране могло бы стать центром координации в ходе планируемой войны. Речь идет именно о войне, т.е. масштабной военной операции с установлением контроля над конкретными объектами и ключевыми иранскими городами, так как точечные бомбовые удары не могут гарантировать нужный результат. В Иране учтен мировой и, прежде всего, иракский опыт при строительстве стратегических объектов (уничтожение атомного центра в Ираке в 1981 г.) и обеспечена должная противовоздушная оборона.

Свергнув режим Саддама Хусейна под фальшивым предлогом борьбы с мифической атомной военной программой Ирака, США готовят такой же сценарий для Ирана. Что ждет американскую армию в Иране? На какую победу может рассчитывать Вашингтон?

Иран и Ирак — страны, конечно, «восточные», но есть разница, которую следовало бы учитывать. Первое — численность и религиозная сплоченность населения Ирана. Иранцев более 72 млн человек, из них 90% — мусульмане-шииты. Второе — география. Условия Ирана больше напоминают Афганистан, в котором увязли США и их союзники, а до них СССР и Англия. Третье — иранское руководство имеет опыт свержения шахского режима в 1979 году в условиях системного присутствия американцев в Иране и опирается на патриотично настроенную армию, воспитанную в духе священной жертвенной традиции борьбы за свободу и независимость — «культуры Ашура».

Сегодняшнему европейцу уже непонятны демонстрации 1914 года, ликующие по поводу начала войны и жаждущие крови врагов. Между тем граждане ИРИ почти 30 лет открыто демонстрируют именно эту готовность умереть, несмотря ни на что. Дни поминовения (Ашура) шиитского имама аль-Хусайна ибн Али (Хусейна), убитого в 680 г., широко отмечаются в Иране. В траурных церемониях (таазие), сопровождающихся ритуальным самобичеванием, принимают участие практически все слои населения страны, включая личный состав армии и флота. Более чем тысячелетняя традиция Ашура и память о шиитских мучениках («шахидах»), героях, павших на поле боя за ислам, зажигает в сердцах верующих огонь сопротивления гнету, насилию и тирании, зовет их на бой за справедливость. Новые поколения граждан ИРИ, подобно героям иранского эпоса, во время таазие демонстрируют свою готовность повторить подвиг Хусейна, следуя путем свободы и независимости до конца.

О возможном исходе попытки вооруженного подавления режима Исламской республики в Иране высказался на одном из закрытых обедов с участием членов фракции Демократической партии в Сенате бывший директор ЦРУ и нынешний министр обороны США, известный специалист по России и СССР, причастный к скандалу «Иран-контрас» Роберт Гейтс. Именно при нем в Пентагоне начали работу над текстом ультиматума, который должен был быть предъявлен Ирану в час «X» [5]. По информации одного из виднейших американских журналистов

Сеймура Херша, Р. Гейтс предупредил сенаторов: следствием применения военной силы против Ирана будет то, что «мы создадим поколение джихадистов, и наши внуки будут сражаться с нашими врагами здесь — в Америке» [2].

Уже сейчас можно подвести итоги 2008 года. И в Ираке, и в Афганистане все говорит о тупике, в который зашла американская военная машина на «Большом Ближнем Востоке». В Ираке царит разруха, потерян потенциал современного развития и модернизации, нет устойчивой центральной власти, нарастают сепаратизм и насилие, законное народное правительство не создано до сих пор. В Афганистане, где боевые действия активно ведутся с 1979 года, талибы всерьез дестабилизировали традиционное общество, предложив модель «нового афганца», воспитанного без отца и матери в пакистанских центрах подготовки боевиков из детей афганских беженцев на основе радикальной интерпретации ислама и принципа бесчеловечного отношения к любой инаковости. Поддержка ими «Аль-Каиды» не устроила их американских «крестных отцов», а война против всех не устроила Афганистан.

Почему-то об этом мало говорят, но и в Афганистане, и в Ираке были уничтожены бесценные памятники культуры древних цивилизаций (разграблены национальные музеи, взорван Бамиан и т.д.). Ряд стран и ЮНЕСКО заявили свой протест, но их голос не был услышан. Никто не верил, что со свержением С. Хусейна одновременно будет уничтожена бесценная часть общего наследия человеческой цивилизации, но это произошло. Что станет с бесценными сокровищами иранской цивилизации? А если фанатики начнут разрушать Лувр или Лондонский музей — страны Евросоюза тоже будут молчаливыми наблюдателями? Вашингтон обязан дать весомые гарантии недопущения новой гуманитарной катастрофы в регионе, сохранения культурного наследия человечества в случае принятия им решения о начале войны против Ирана. Это решение должно получить поддержку Организации Объединенных Наций (ООН) в установленном порядке.

Каждый, кто знаком с Востоком, знает, что захватить власть мало, надо суметь ее удержать. Американским военным понятно, что США располагают силами для нанесения сокрушающего удара по Ирану. Но они не уверены в адекватном восприятии их мощи иранским военно-политическим руководством. Соблазн доказать свое первенство, однако, не должен заслонять здравого смысла. А практика всех силовых решений показывает только одно — на Востоке можно долго сжимать пружину, но рано или поздно она распрямится. В XIX веке англичане испытывали это на себе в трех англо-афганских войнах, а в одной из них чудом спасся только один человек из всей отступавшей на Джелалабад из Кабула английской армии.

Война, возможно, облегчит задачу американской администрации по свержению «режима аятолл», но, скорее всего, это станет пирровой победой. Для Вашингтона было бы логичнее, сохраняя военный навес над Ираном, применить уже испытанные средства — такие как политика разрядки времен противостояния двух систем. Ведь, «как бы красива ни была стратегия, вам бы по случаю взглянуть на результаты», промолвил как-то У. Черчилль («However beautiful the strategy, you

should occasionally look at the results»). За время правления администрации Буша военно-политическая дестабилизация Ирака и Афганистана фактически соединила Средний и Ближний Восток в один регион. На фоне поверженного Ирака и относительной слабости соседних стран (арабские страны Персидского залива, страны Центральной Азии и Южного Кавказа) усиливающийся Иран с каждым годом все заметнее приобретает черты региональной сверхдержавы. А факт противостояния Америке придает Ирану статус глобального игрока, что заметно искажает общую картину в регионе, повышая значимость Ирана до уровня мировой державы.

А ведь после принятия Стамбульской инициативы сотрудничества (ICI, выдвинута на саммите НАТО в Стамбуле 18—20 июня 2004 г.) и присоединения к ней арабских стран Персидского залива, введения воинских контингентов в Афганистан и создания военных баз в Центральной Азии, с «карманной» Грузией и опорой на натовскую Турцию, казалось, до полного установления американского господства в центре евразийского геополитического пространства рукой подать. Затем состоялся блицкриг в Ираке, на очереди был Иран, но здесь удача изменила Бушу. Сейчас только перманентная война в Ираке стоит американским налогоплательщикам более 8 млрд долл. ежемесячно [8. С. 108].

Сами иранцы надеются на то, что в условиях мирового финансового кризиса США не начнут очередную войну [3]. Впрочем, не исключено и обратное: новая война поможет забыть неудачи незаконченных, а новые военные расходы помогут экономике США справиться с кризисом, как этому, вероятно, будет способствовать и прогнозируемый коллапс нефтяного потока из зоны Персидского залива и Каспийского моря.

В отличие от США европейские эксперты работают над «новым стартом». Признавая, что в 2003 году была допущена ошибка и что тогда нужно было приходить к соглашению с иранской стороной, они переосмысливают сейчас события прошедшего десятилетия. Все чаще говорят о том, что, увлекшись подавлением иранской программы мирного атома полного цикла, Запад «потерял» Иран. «Иран слишком значим для Запада, чтобы сводить все к формату атомной проблемы», — говорит Кристоф Бертрам из Института исследований безопасности Европейского Союза. Эксперт считает задачей дня пересмотр подхода Евросоюза к иранской проблеме, учитывая новую ситуацию — ослабление мощи США и смягчение внешней и внутривосточной линии Тегерана. Конечно, здесь большой вес имеет позиция Израиля. В качестве исторического аналога предлагаемого нового подхода к Ирану приводится политика разрядки (*détente*), выработанная в условиях «холодной войны», когда Советский Союз пугал капиталистический мир мечтами о всемирной коммунистической революции и Хрущев угрожал «закопать» Запад. Ситуация с «экспортом исламской революции» и антиизраильской риторикой напращивается на прямые аналогии. Запад должен предложить Ирану политику разрядки (*détente*) или политику партнерства, но при этом четко заявить, что результатом любой иранской атаки на Израиль станут немедленные меры военного характера. В число гарантов безопасности Ирана предлагается включить США, страны Евросоюза («евротройку» — Великобритания, Франция, Германия) и Россию

[1. С. 52]. Россия должна быть готова к поддержке конструктивных международных инициатив, направленных на мирное разрешение ситуации вокруг Ирана, активному недопущению очередной геополитической и гуманитарной катастрофы на своих южных рубежах. Нельзя допустить возникновения на пространстве Центральной Евразии пояса глобальной нестабильности, инкубатора международного терроризма и наркобизнеса, межэтнической розни, религиозного экстремизма, слома процесса региональной интеграции и модернизации. При этом Москве необходимо уже сегодня четко представлять свои действия при любом варианте развития событий.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Bertram, Christoph*. Rethinking Iran: From Confrontation to Cooperation. — P.: Institute for Security Studies. European Union // Chaillot Paper, 2008. — № 110, August.
- [2] *Hersh, Seymour M.* Preparing the Battlefield. The Bush Administration Steps up its Secret Moves against Iran // *The New Yorker*. — 2008, July 7.
- [3] http://iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&n=1&news_id=54230
- [4] http://iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&n=1&news_id=54270
- [5] <http://lenta.ru/articles/2007/02/12/munich/>
- [6] www.aviaport.ru/digest/2004/02/03/71435.html 03.02.2004
- [7] www.perspektivy.info/oykumena/vector/globalization_i_novoe.htm
- [8] *Zaborowski M.* Bush's Legacy and America's Next Foreign Policy. — P.: Institute for Security Studies. European Union // Chaillot Paper, 2008. — № 111, September.

IRAN: INTEGRATION AND SECURITY IN THE CENTRAL EURASIA

V.I. Yurtaev

Theory and History of International Relations Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya St., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article deals with the theoretical backgrounds of the Iranian foreign strategy, gives the analysis of the geopolitical sphere of international relations towards Iran and the potential of Iranian participation in the process of integration in the Central Eurasia.